

(1) Москва, увиденная впервые, оказалась очень похожей на свои бесчисленные снимки и киножурналы. (2) Окрестности города я нашёл красивыми, только полное отсутствие гор создавало порой ощущение незащитности. (3) От обилия плоского пространства почему-то уставала спина. (4) Иногда хотелось прислониться к какой-нибудь горе или даже спрятаться за неё. (5) Москвичи обрадовали меня своей добротой и наивностью. (6) Как потом выяснилось, я им тоже показался наивным. (7) Поэтому мы легко и быстро сошлись характерами.

(8) Людям нравятся наивные люди. (9) Наивные люди дают нам возможность перенести оборонительные сооружения, направленные против них, на более опасные участки. (10) За это мы испытываем к ним фортификационную благодарность.

(11) Кроме того, я заметил, что москвичи даже в будни едят гораздо больше наших, со свойственной им наивностью оправдывая эту особенность тем, что наши по сравнению с москвичами едят гораздо больше зелени. (12) Единственная особенность москвичей, которая до сих пор осталась мной неразгаданной, – это их постоянный, таинственный интерес к погоде. (13) Бывало, сидишь у знакомых за чаем, слушаешь уютные московские разговоры, тикают стенные часы, лопочет репродуктор, но его никто не слушает, хотя почему-то и не выключают.

(14) – Тише! – встряхивается вдруг кто-нибудь и подымает голову к репродуктору. (15) – Погоду передают.

(16) Все, затаив дыхание, слушают передачу, чтобы на следующий день уличить её в неточности. (17) В первое время, услышав это тревожное: «Тише!», я вздрагивал, думая, что начинается война или ещё что-нибудь не менее катастрофическое. (18) Потом я думал, что все ждут какой-то особенной, неслыханной по своей приятности погоды. (19) Потом я заметил, что неслыханной по своей приятности погоды как будто бы тоже не ждут. (20) Так в чём же дело? (21) Можно подумать, что миллионы москвичей с утра уходят на охоту или на полевые работы. (22) Ведь у каждого на работе крыша над головой. (23) Нельзя же сказать, что такой испепеляющий, изнурительный в своём постоянстве интерес к погоде объясняется тем, что человеку надо пробежать до троллейбуса или до метро? (24) Согласитесь, это было бы довольно странно и даже недостойно жителей великого города. (25) Тут есть какая-то тайна.

(26) Именно с целью изучения глубинной причины интереса москвичей к погоде я несколько лет назад переселился в Москву. (27) Ведь моё истинное призвание – это открывать и изобретать. (28) Чтобы не вызывать у москвичей никакого подозрения, чтобы давать им в своём присутствии свободно проявлять свой таинственный интерес к погоде, я и сам делаю вид, что интересуюсь погодой.

(29) – Ну как, – говорю я, – что там передают насчёт погоды? (30) Ветер с востока?

(31) – Нет, – радостно отвечают москвичи, – ветер юго-западный до умеренного.

(32) – Ну, если до умеренного, – говорю, – это ещё терпимо. (33) И продолжаю наблюдать, ибо всякое открытие требует терпения и наблюдательности. (34) Но, чтобы открывать и изобретать, надо зарабатывать на жизнь, и я пишу. (35) Но вот что плохо. (36) Читатель начинает мне навязывать роль юмориста, и я уже сам как-то невольно доигрываю её. (37) Вообще я мечтаю писать вещи без всяких там лирических героев, чтобы сами участники описываемых событий делали что им заблагорассудится, а я бы сидел в сторонке и только поглядывал на них. (38) Но чувствую, что пока не могу этого сделать: нет полного доверия. (39) Ведь когда мы говорим человеку, делай всё, что тебе заблагорассудится, мы имеем в виду, что ему заблагорассудится делать что-нибудь приятное для нас и окружающих. (40) И тогда это приятное, сделанное как бы без нашей подсказки, делается ещё приятней. (41) Но человек, которому доверили такое дело, должен обладать житейской зрелостью. (42) А если он ею не обладает, ему может заблагорассудиться делать неприятные глупости или, что ещё хуже, вообще ничего не делать, то есть пребывать в унылом бездействии. (43) Вот и приходится ходить по собственному сюжету, приглядывать за героями, стараясь заразить их примером собственной бодрости:

(44) – Веселее, ребята!

(45) Каждый день, за исключением тех дней, когда меня не бывает дома, я закрываюсь у себя в комнате, закладываю бумагу в свою маленькую прожорливую машинку «Колибри» и пишу.

(46) О многих своих открытиях, ввиду их закрытого характера, пока существует враждебный лагерь, я, естественно, не могу рассказать. (47) Но у меня есть ряд ценных наблюдений, которыми я готов поделиться. (48) Я полагаю, чтобы овладеть хорошим юмором, надо дойти до крайнего пессимизма, заглянуть в мрачную бездну, убедиться, что и там ничего нет, и потихоньку возвращаться обратно. (49) След, оставляемый этим обратным путём, и будет настоящим юмором. (50) Смешное обладает одним, может быть, скромным, но бесспорным достоинством: оно всегда правдиво. (51) Более того, смешное потому и смешно, что оно правдиво. (52) Иначе говоря, не всё правдивое смешно, но

всё смешное правдиво. (53) На этом достаточно сомнительном афоризме я хочу поставить точку, чтобы не договориться до ещё более сомнительных выводов.

Ф. Искандер. «Начало». 1978 г.

Среди предложений 1—10 найдите простое(-ые) предложение(-я), осложнённое(-ые) обособленным определением, выраженным причастным оборотом.